

Информация для цитирования:

Кудряшов И. А. Образ ненадежного рассказчика и его прагматические эффекты в романе В. В. Набокова «Бледный огонь» / И. А. Кудряшов, О. П. Рябко, Н. О. Григорьева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 273—291. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-273-291.

Kudryashov, I. A., Ryabko, O. P., Grigoryeva, N. O. (2024). Unreliable Narrator and Its Pragmatic Effects in V. V. Nabokov's "Pale Fire". *Nauchnyi dialog*, 13 (10): 273-291. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-273-291. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образ ненадежного рассказчика и его прагматические эффекты в романе В. В. Набокова «Бледный огонь»

Кудряшов Игорь Александрович

orcid.org/0000-0001-5449-864X

доктор филологических наук,

профессор,

профессор кафедры теории языка

и русского языка,

корреспондирующий автор

igalk@mail.ru

Рябко Ольга Павловна

orcid.org/0000-0002-8505-6307

доктор филологических наук,

профессор,

профессор кафедры английского языка

гуманитарных факультетов

o.ryabko@yandex.ru

Григорьева Надежда Олеговна

orcid.org/0000-0002-5165-8668

кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры теории языка

и русского языка

ngreg25@yandex.ru

Южный федеральный университет

(Ростов-на-Дону, Россия)

Unreliable Narrator and Its Pragmatic Effects in V. V. Nabokov's "Pale Fire"

Igor A. Kudryashov

orcid.org/0000-0001-5449-864X

Doctor of Philology, Professor,

Department of Linguistic

Theory and the Russian

corresponding author

igalk@mail.ru

Olga P. Ryabko

orcid.org/0000-0002-8505-6307

Doctor of Philology, Professor,

Department of the English,

Humanities Faculties

o.ryabko@yandex.ru

Nadezhda O. Grigoryeva

orcid.org/0000-0002-5165-8668

PhD in Philology, Associate Professor,

Department of Linguistic

Theory and the Russian

ngreg25@yandex.ru

Southern Federal University

(Rostov-on-Don, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье анализируется повествовательная техника В. В. Набокова в романе «Бледный огонь», которая отражает постмодернистское недоверие к метанарративам, поскольку ниспровергает формальные элементы художественного текста. Отмечается, что в романе повествование ведется от первого лица ненадежным рассказчиком, Чарльзом Кинботом, который, самовольно выступая комментатором поэтического текста Джона Шейда, бросает вызов устоявшимся повествовательным нормам, что способствует дестабилизации формы романа. Цель исследования — проследить, как иррационалистический подход к языковым номинациям, выбранный Кинботом, усложняет доступ читателя к глубинному содержанию романа. Установлено, что тема стихотворения Шейда, которая является предметом академического комментария Кинбота, обладает неустойчивой формой, поскольку читатель не в состоянии однозначно идентифицировать образы персонажей, определить, является ли представленная версия поэтического произведения окончательной. Подчеркивается, что ненадежный рассказчик, комментатор, повествует о двух различных сюжетных линиях, одна из которых относится к универсуму Нью-Уай, а другая — к воображаемому миру Зембла, колеблется между этими повествовательными линиями, называя себя несколькими разными личностями. Сделан вывод, что психологический профиль комментатора ставит под сомнение правдивость его фигуры, поскольку он не способен оценить актуальность различных фрагментов разрозненной информации.

Ключевые слова:

ненадежное повествование; воображаемый универсум; ирония; ненадежный нарратор; Набоков.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the narrative technique employed by V. V. Nabokov in his novel “Pale Fire,” reflecting postmodern skepticism towards metanarratives by subverting the formal elements of literary texts. The narrative is presented through the lens of an unreliable first-person narrator, Charles Kinbote, who, in his self-appointed role as commentator on John Shade’s poetic text, challenges established narrative norms, thereby destabilizing the structure of the novel. The aim of this study is to trace how Kinbote’s irrationalist approach to linguistic nominations complicates the reader’s access to the deeper meanings embedded within the text. It is established that the theme of Shade’s poem, which serves as the subject of Kinbote’s academic commentary, possesses an unstable form, leaving the reader unable to definitively identify character representations or ascertain whether the presented version of the poem is final. The unreliable narrator oscillates between two distinct narrative threads — one pertaining to the universe of New Wye and the other to the imagined world of Zembla — while simultaneously adopting various identities. The conclusion drawn is that the psychological profile of the commentator calls into question the veracity of his character, as he struggles to assess the relevance of disparate fragments of information.

Key words:

unreliable narration; imagined universe; irony; unreliable narrator; Nabokov.

Образ ненадежного рассказчика и его прагматические эффекты в романе В. В. Набокова «Бледный огонь»

© Кудряшов И. А., Рябко О. П., Григорьева Н. О., 2024

1. Введение = Introduction

Воображаемые универсумы и их текстуальные реальности В. В. Набокова не только допускают, но даже провоцируют множество прочтений, мнений и интерпретаций. В этом смысле «Бледный огонь» (1962), вероятно, является самым эпатажным романом. В нем представлена пародия на профессиональную манию комментаторов, изображен образ комментатора, стремящегося отыскать в объективной реальности личностный смысл. Однако его усилия оказываются абсурдными, присвоение смысла полностью терпит неудачу, телеологические суждения не приобретают достоверный характер.

Актуальность данного исследования определяется тем, что в нем анализируется творческий метод В. В. Набокова, связанный с тем, что трансцендентальный примат знака пронизывает каждый аспект романа «Бледный огонь». Цель исследования — проследить, как автор дестабилизирует традиционную форму романа, реализует творческую способность провести грань между индивидуальными психологическими идентичностями рассказчика и персонажей и возможностью придать значение символам биографического повествования. Научная новизна исследования заключается в том, что на примере романа «Бледный огонь» системно выявляется авторская специфика пародийного обыгрывания формы традиционного романа, которое достигается посредством введения в повествование академического «Предисловия», «Комментария» и «Указателя имен», ненадежного рассказчика, который бросает вызов всем конвенциональным условностям.

Задачи исследования: (1) определить специфику образа ненадежного рассказчика в тексте анализируемого романа; (2) выявить особенности комментаторской деятельности рассказчика, порождающего ненадежное повествование; (3) проследить, как ненадежное повествование, порождаемое рассказчиком-комментатором, дестабилизирует язык, форму и содержание анализируемого художественного текста.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологию исследования составляет теория ненадежного рассказчика, разрабатываемая в лингвистике текста. Согласно этой теории, ненадежность художественного повествования сводится к некоторым морально-нравственным и эпистемологическим недочетам со стороны рассказчика, определяемым с помощью текстовых — локальных и структурных — маркеров, которые обеспечиваются автором произведения (более подробно см. [Иштоян, 2013; Jасke, 2018; Phelan 2017]). Суждения ненадежного рассказчика — вслед за Г. А. Жиличевой [Жиличева, 2013] и Н. Н. Николіной [Николина, 2023] — трактуются в исследовании в качестве вербальной субстанции искаженного и противоречивого воображаемого универсума, имплицитующего глубинные иронические смыслы. В связи с этим повествовательный мир ненадежного рассказчика как система воображаемых биографических фактов анализируется в статье с опорой на феноменологический подход в рамках герменевтического метода.

Ирония является мишенью в рамках концепции ненадежного повествования. Ненадежный рассказчик является предметом иронии. Читатель выявляет ироническое содержание повествования как следствие его ненадежности с опорой на следующие процедуры:

- опровержение буквального смысла языковых выражений, посредством выявления несоответствий между той информацией, которую он воспринимает из текста, и тем, что составляет его фоновые знания;
- применение множественных альтернативных интерпретаций к тексту;
- суммирование информации о творческих убеждениях автора текста;
- прослеживание глубинного смыслового содержания языковой и структурной архитектуры текста [Nünning, 2005; Pettersson, 2005; Zipfel, 2011].

На материале романа «Лолита» и повести «Соглядай» В. В. Набокова исследователи рассматривают ненадежность повествования как особую интерпретационную стратегию читателя, пытающегося разрешить двусмысленность и текстуальные несоответствия. При этом образ рассказчика задействуется в качестве интегративного герменевтического приема анализа художественного текста [Мурзахмедова и др., 2022; Смоленская, 2021].

Анализируются следующие минимальные условия и культурно-исторические зависимости ненадежного повествования, которое:

- (1) возникает исключительно в персонализированных воображаемых ситуациях, предполагающих персонификацию ненадежного рассказчика в процессе читательского постижения текста;
- (2) имплицитует непреднамеренное самообвинение персонифицированного рассказчика;

(3) характеризуется как исторически обусловленный феномен [Курьянова и др., 2021; Расулова, 2024].

Во всех проанализированных выше исследованиях определяется психологический портрет ненадежных рассказчиков в указанных текстах В. В. Набокова, который включает в себя фокусирование читательского внимания на собственной эмоционально-чувственной иррациональной сфере (что, в свою очередь, индивидуализирует повествование), упоминания о сомнениях собственной достоверности.

Личность типизированного рассказчика и его индивидуальный стиль повествования призваны обеспечивать читателя достаточным объемом информации об образах персонажей и воспроизводимых ситуациях [Горобец, 2018, с. 28; Цатурян, 2023, с. 139]. Первоочередная задача рассказчика состоит в том, чтобы последовательно развивать повествование так, как это требуется читателю для многомерной интерпретации художественного текста [Баллард, 2008; Дзюбенко, 2022; Мартынова и др., 2021]. В процессе осознания аспектов, конструктивных для восприятия повествования, читатель оценивает параметры надежности рассказчика [Евсюкова и др., 2022, с. 98; Абраменко и др., 2022, с. 15; Токарева, 2023, с. 78]. По мере того, как в тексте актуализуется больше информации, взгляд читателя на повествование может кардинально отклоняться от первоначальной оценки.

Указанный «авторитет» и «весомость» рассказчика существенно расходятся с характером повествования в романе «Бледный огонь» В. В. Набокова. Чарльз Кинбот, один из рассказчиков, не вызывает у читателя доверия, не производит эффект достоверности, поскольку в его повествовании отсутствует целостность и логичность. Психологические качества личности Кинбота отражают хаотичное и иррациональное, спонтанное и непостоянное начала, вызывают поток воспоминаний о темной и неуправляемой силе, определяющей ход его жизни.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

«Бледный огонь» — это постмодернистская художественная игра в кошки-мышки с читателем, дискурсивная ловушка для исследователей. Роман состоит из поэмы, формируемой 999 строками, с предисловием редактора, примечаниями, указателем и корректурными исправлениями. Когда читатель собирает отдельные части ненадежного повествования в соответствии с инструкциями автора, подгоняет их под единый смысловой знаменатель с помощью подсказок и перекрестных ссылок, которые необходимо беспрестанно искать, раскрывается текст романа с искусно скрытой структурой. В свою очередь, эта структура основана на характерной набоковской трактовке: моделировании внутренних связей между встро-

енными уровнями текста, которые переворачивают стандартную иерархию повествования. Проблематичной для читателя становится прежде всего взаимосвязь между встроенным текстом и внешней рамкой повествования.

Убежденность Кинбота в том, что Тени в конечном счете выследят его, предопределяют его перманентный страх и невменяемость. Почти все вокруг воспринимаются им как враги, поэтому, когда он обнаруживает у себя в кармане анонимную записку, в которой сообщается: *«Ну и hal.....s же у тебя, друже»*, — он спонтанно интерпретирует слово *hal.....s* (*halitosis*, *дурное дыхание*) как *«галлюцинации»* [Набоков, 2022, с. 113]. Элементарное недоразумение (и неправильный подсчет Кинботом пропущенных букв) позволяет читателю проникнуть в сознание проблемной личности, которая страдает паранойей. Однако главная забота Кинбота — наследие, которое он должен оставить миру, связав свое землянское прошлое со славой убитого поэта. Он сумасшедший и в отчаянии, однако полон решимости подтвердить подлинность своих фантазий ради самовозвышения.

В. В. Набоков отмечает, что «безумие — это всего лишь большая частичка здравого смысла, тогда как гениальность — это величайшее здравомыслие духа» [Набоков, 2021, с. 337]. Отчаявшись достичь величия, используя наследие своего покойного друга, Кинбот интерпретирует неожиданную смерть Шейда как удобную возможность воссоздать собственную историю. Реальность для Кинбота заключается в глубокой неудовлетворенности тем, что он заурядный индивид, отсутствию какого-либо экстраординарного потенциала подняться над среднестатистическими представителями социума.

3.1. Ненадежная реальность в творческом методе комментирования Чарльза Кинбота

По отношению к поэтическому тексту Шейда рассказчик определяет объективную реальность, приписывая равнозначную ценность исходному тексту (стихотворному произведению поэта) и дополнительным вторичным фактологическим (ненадежным) источникам, порожденным им самим: *«Разрешите мне сказать, что без моих комментариев текст Шейда попросту лишен всякой человеческой реальности, ибо человеческая реальность такой поэмы, как эта, чересчур капризной и сдержанной для автобиографии, с пропуском многих содержательных строк, необдуманно им отвергнутых, зависит полностью от реальности автора и его окружения, привязанностей и т. д., — реальности, дать которую могут только мои примечания»* [Набоков, 2022, с. 36]. Однако дополнительная «научная» деятельность Кинбота фокусируется на его собственном универсуме, а не на поэтической реальности безвременного погибшего друга. Воспоминания играют важную роль в его заблуждающемся сознании, защищая его от объ-

активного мира, помогая осознать, что его универсум имеет сущностное значение. Раздутое эго заставляет рассказчика верить, что он вдохновил поэтическое творение Шейда своими рассказами об изгнанном короле Земблы, Карле Возлюбленном, поэтому, несмотря на то, что поэма кажется полностью автобиографичной (то есть о жизни Шейда), Кинбот настаивает, что глубоко внутри «Бледного огня» скрыта его личностная история.

Читатель с готовностью может сказать, что стихотворение Шейда не имеет никакого отношения к этой теме, однако Кинбот упорствует в своей иррациональной вере (более понятной, когда позже читатель узнает, что он сам является этим изгнанным королем). По сути, читатель призван преодолеть желание воспринимать роман с тем же небрежным эгоизмом, который заставляет Кинбота ошибочно постигать окружающую действительность. При таком формате повествования читатель, всецело полагаясь на рассказчика, оказывается не в состоянии объяснить себе текст. Таким образом, образ Кинбота как фигуры рассказчика, доминирующей в воображаемом универсуме «Бледного огня», порождает эпистемическую дестабилизацию общего повествования, нарушая этику общения с читателем.

Подготавливая академический комментарий к одноименному поэтическому тексту Шейда, рассказчик представляет поэта как своего друга и знаменитость. Шейд недавно был убит душевнобольным недалеко от своего дома в Нью-Уасе. «Бледный огонь» — его последнее стихотворение, которое, как утверждает Кинбот, является законченным. Сам Кинбот ставит перед собой задачу сопроводить данное стихотворное произведение академическим комментарием. Несмотря на искреннее восхищение Шейдом, Кинбот критикует многие строки в стихотворении поэта, часто выдвигая предложения по улучшению определенных поэтических образов.

Характер деятельности Кинбота часто вызывает читательские сомнения в том, что ему можно доверять. Уже во вступительном комментарии к содержанию стихотворения, Кинбот проявляет неосторожность, резюмирует первую песнь просто как «*все эти забавные птицы и паргелии*» [Набоков, 2022, с. 17], вместо того чтобы отметить эмоциональные трудности, которые Шейд обсуждает в этой части. Данный комментарий едва ли можно назвать академически релевантным резюме, побуждает читателя сосредоточиться на профессиональной некомпетентности комментатора, а не на содержании самой аннотации. Кинбот еще более отвлекает читателей от постижения логики художественного текста, прибегая к чрезмерно эмоциональным формулировкам: «*Ваша любимая Песнь вторая, а также Песнь третья, этот поразительный tour de force, одинаковы по длине...*» [Там же, с. 18].

Эти отвлекающие факторы отличаются градуируемой тенденцией, поскольку с самого начала своей комментаторской деятельности Кинбот раз-

вивает тему, отличную от стихотворения, например, выдвигая следующее мнение: *«Я хочу сказать, что он сохранял фактическую дату написания в предпочтении вариантам правки. Прямо напротив моей нынешней квартиры находится очень громкий увеселительный парк»* [Там же]. Вводное предикатное сочетание *«Я хочу сказать...»* вызывает у читателя ощущение, что Кинбот пытается проговорить свои мысли вслух, чтобы они резонировали с громкой музыкой, разносящейся по парку развлечений. Очевидно, что рассказчик с трудом сосредоточивается на роли комментатора.

Таким образом, первое зерно читательского сомнения в профессиональной компетентности автора комментариев успешно заронено при восприятии уже первых страниц романа. Со временем аберрации в сосредоточении на стихотворении Шейда становятся для комментатора все более регулярными. В результате Кинбот настойчиво вводит собственное «Я» в академический комментарий, преобразует «Бледный огонь» Шейда в субъективное повествование о собственной жизненной истории.

3.2. Психологическое состояние Чарльза Кинбота как источник его ненадежного комментирования

Рассказчик-комментатор, находящийся на вершине славы, в конце концов низвергается, оказываясь без друзей и в изгнании. Изоляция и мизантропия становятся для него своего рода безумием. Кинбот питает всевозможные фантазии, оставляя читателя в сомнении относительно его здравомыслия. Похоже, он страдает стойкой манией величия, убежденностью в том, что был ближайшим другом Шейда, и безумной верой в то, что пуля, убившая Шейда, на самом деле предназначалась ему. Персонажи, окружающие Кинбота, также признают его нестабильную и несговорчивую личность. Одна из его коллег в Нью-Уае выражает о Кинботе следующее мнение: *«Вы удивительно неприятный человек. Не пойму, как вас выносят Джон и Сибилла»... и ... добавила: «Кроме того, вы сумасшедший»* [Набоков, 2022, с. 32].

Постепенно фигура Кинбота начинает доминировать над образом Шейда, чье поэтическое творчество, как предполагается, является главной темой романа. Когда Кинбот думает о том, как разгадать метафору *«Тысяча лет тому назад пять минут равнялось / Сорока унциям мелкого песка»* [Там же, с. 43], он заявляет, что не может найти решения, но, возможно, просто потому, что «устал». Этим суждением комментатор привлекает больше внимания к своему психологическому «Я», чем к содержанию стихотворения. Точно так же он пускается в описания того, как захватил контроль над рукописью или какими были погодные условия по прибытии в Нью-Уай. В этом случае Кинбот демонстрирует, как жилье, которое он получил, заставляет его терять всякую сдержанность: он делает очень не-

академический комментарий о том, что «система отопления представляла из себя фарс» [Там же, с. 25].

Подобное смещение акцента со стихотворения и его автора на фигуру комментатора также поддерживается, когда Кинбот отмечает, что Шейд — вегетарианец: это утверждение предлагается не как биографический факт об авторе стихотворения, а скорее как результат субъективных воспоминаний о первой встрече с Шейдом. Кинбот помнит, как Шейд предложил ему мясо, а он отказался, после чего поэт прокомментировал собственные предпочтения. Таким образом, тема воспроизводимого эпизода заключается в том, как Кинбот познакомился с Шейдом, а не в том, что Шейд является вегетарианцем. При таком переориентировании содержания комментария с образа Шейда и его стихотворения на фигуру комментатора Кинбот становится еще более ненадежным рассказчиком, далее терпит неудачу в роли автора академического аннотирования. Чем более пространно Кинбот предается собственным воспоминаниям, тем больше у читателя возникает сомнений в его психической стабильности. Изгнанный король находится в опасности из-за наемных убийц, и, таким образом, раскрытие того, что Кинбот — это Карл II, может привести к его убийству. Однако Кинбот не преминул привести доказательства того, что он и есть король, сразу же после предисловия.

Неспособность рассказчика объективно оценить факты побуждает читателя сомневаться в том, что выбор информации, осуществляемый Кинботом для комментария, является рациональным: если рассказчик не способен оценить то, что обеспечило бы ему простое выживание, он некомпетентен для такой сложной задачи, как представление академического комментария. Эпистемические проблемы Кинбота с оценкой окружающей действительности гармонично сочетаются с его заблуждениями. Этот разрыв между его точкой зрения и общепринятым мнением проявляется постепенно.

Вопреки нарциссическому взгляду Кинбота на свою личность, его коллега называет его «*Великим бобром*» [Набоков, 2022, с. 31]. Различные упоминания о несурзных межличностных отношениях рассказчика с окружающими людьми приводят читателя к выводу, что многие из его начинаний связаны с взятками и что даже этой части повествования нельзя верить. Аналогичная двойственная точка зрения проявляется и в отношении академических навыков Кинбота. Коллеги оспаривают его компетентность в выполнении взятой на себя задачи. Он в отместку обвиняет их в том, что они питают к нему только «*густой яд зависти*» [Там же]. Его боязнь сотрудничества с окружающими людьми — которое могло бы выявить его некомпетентность — приводит к резкому разрыву отношений с Сибил

Шейд, как только она звонит Кинботу и просит его назначить других литературных экспертов Нью-Уая соредакторами поэтического произведения мужа. Постепенно читатель начинает осознавать, что Кинбот не просто ненадежный рассказчик, но и безумный человек.

3.3. Прагматическая специфика образа Чарльза Кинбота как ненадежного рассказчика

Кинбот предлагает добавить надпись «Комментарий» к тому разделу книги, которая не функционирует как надлежащий референт к ссылке «комментарий», поскольку недостает одного из важных атрибутов: аннотации комментатора не скрупулезно оперируют доказательствами. Кинбот не утруждает себя бременем доказательств и не сопровождает свой опус подробными исследованиями, но признает, что ему не хватает *«библиотеки в ... одинокой избушке, где [он] живет подобно Тимону в пещере»* [Набоков, 2022, с. 91]. За исключением одного интервью, он не проводил никаких исследований.

Примером этой неподготовленности являются попытки распознать цитаты из шекспировского «Тимона Афинского» в поэтическом тексте Шейда. Кинботу удастся соединить фразу из стихотворения Шейда *«Помоги, мне, Вильям!»* [Там же, с. 80] с творением У. Шекспира, но он не уверен относительно происхождения цитаты, поэтому предлагает читателям провести собственное исследование, поскольку все, что у него есть в наличии на данный момент, — это карманное издание «Тимона Афинского». Однако цитата принадлежит не кому иному, как самому Тимону Афинскому. Следовательно, у Кинбота не только нет библиотеки, но и он не знает содержания единственной книги, в которую он мог бы заглянуть.

Позже он ссылается в комментарии на свой экземпляр «Тимона Афинского», передает информацию странным образом, поспешно переводя определенный фрагмент из зембланского текста пьесы У. Шекспира обратно на английский, потому что в данный момент у него нет доступной оригинальной версии. Это отступление и неспособность Кинбота использовать соответствующие источники еще больше подрывают ценность «Комментариев». Отсутствие конкретного текста заменяется альтернативным источником: Кинбот решает эту проблему, используя свою «компетентность» в качестве авторитета. Эта исследовательская методика повторяется неоднократно и иногда вообще служит заменой улики. Например, Кинбот упоминает, что Шейд, возможно, неоднократно переписывал свои поэтические строки из черновиков, но не подкрепляет это утверждение доказательствами, заявляет: *«как, я подозреваю»*, он иногда это делал [Там же, с. 18], — что не раскрывает каких-либо конкретных знаний. Текст, написанный Кинботом, перестает функционировать как академический комментарий.

Языковые знаки, обозначающие строго определенные понятия, в тексте романа постепенно утрачивает свою стабильность (и не только в названии раздела «Комментарии»). Встречается несколько названий для одних и тех же персонажей. У Градуса в помощниках два земблянских шпиона, и в «Комментарии» их зовут без разбора Андронников и Ниагарин [Там же, с. 281], затем Андрон и Ниагарушка [Там же, с. 294]. Сочетание «*Андронников и Ниагарин*» содержится также в «Указателе имен» [Там же, с. 347]. Однако эта запись в «Указателе имен» относится также к страницам, которые касаются сочетания «*Андрон и Ниагарушка*». В воображаемом универсуме комментатора невозможно определить, какое написание является достоверным.

Кинбот без разбора использует заглавные и строчные буквы для обозначения одного и того же объекта. Это относится к академическим записям, номинирующих *Bombycilla S/shadei*. В «Комментарии» отмечается, что эта птица была названа в честь Сэмюэля Шейда, отца покойного поэта [Там же, с. 115]. Комментатор предполагает, что правильное написание на латыни должно быть со строчной буквы *shadei* вместо заглавной *Shadei*, которую выбрали биологи. В «Указателе имен» он использует исправленный вариант написания вместо канонизированной версии, которую он вообще не упоминает. В этом смысле «Указатель имен» отсылает скорее к взглядам Кинбота на номенклатуру, чем к реальному положению дел в этой области. Он создает еще большую двусмысленность, когда упоминает *Bombycilla S/shadei* не под этим названием, а под номинацией *свиристель*, не объясняя почему, лишь двусмысленно заявляя, что это «*интересная ассоциация, появившаяся с опозданием*» [Там же, с. 359].

Таким образом, комментатор подразумевает, что *Bombycilla S/shadei* выступает латинским эквивалентом слова *свиристель*, которое присутствует в стихотворении с самой первой строки. Кинбот прямо не указывает на это соответствие, он только полагает, что *свиристели* — более общий термин, чем *Bombycilla S/shadei*. И вдруг у номинации *Bombycilla* появляется множество ссылок даже на те фрагменты, где фигурирует название *свиристель*, что еще больше дестабилизирует функцию языка как средства обеспечения недвусмысленной номинации.

Возможность читателя поверить в то, что утверждается рассказчиком, является необходимым условием успешной художественной коммуникации. Если такой возможности нет из-за отсутствия устойчивой связи между формой и содержанием языковых выражений, это приводит к снижению достоверности повествования. Комментарии Кинбота утрачивают атрибуты, обычно присваиваемые ссылке «комментарий», поскольку их содержание вряд ли можно назвать надлежащей формой аннотирования.

Аналогичным образом в тексте ставится под сомнение стабильность другой номенклатурной подсистемы, к которой принадлежит термин *Bombycilla shadei*. Несмотря на ее дифференциацию с учетом начальных заглавных и строчных букв, она используется без разбора. В результате надписи и терминология в романе «Бледный огонь» вводят читателя в заблуждение, а их референты более далеки от их базовой ссылки. Эта коммуникационная энтропия еще больше способствует дестабилизации формы романа.

Составление окончательной текстовой версии стихотворения Шейда «Бледный огонь», осуществленное Кинботом, также представляет собой проблему. Трудно определить, что должно было быть выбрано в качестве подходящей дословной рукописи для публикации: существовало два набора карточек, на которых Шейд записал стихотворение. Кинбот предпочел использовать карточки в версии «Добросовестного копирования», а не в версии «Исправленного черновика». Произвольность отбора вызывает еще более сильное подозрение, когда Кинбот подчеркивает наличие дополнительного материала в черновиках, одновременно утверждает, что поэма закончена и включает 999 строк, решает проблему с недостающей 1000-й строкой, заполняя ее первой строкой стихотворения.

Однако профессор Хэйзель утверждает, что стихотворение должно было быть гораздо длиннее [Набоков, 2022, с. 221]. Если мы примем во внимание наличие дополнительного материала, то с таким же успехом это могла быть какая-то попытка Шейда написать следующие песни в том виде, в каком их видела Хэйзель. Но Кинбот, со своим субъективным взглядом на поэму, не учел этого. Читательские сомнения в достоверности сборника Шейда распространяются не только на выбор фактического источника и длину стихотворения. Проблема возникает и в микроскопическом универсуме построчного переписывания с карточек рукописи Шейда. Кинбот признает, что карточка с четвертой песней изобилует «*опустошительными подчистками и стихийного масштаба вставками*» [Там же, с. 18]. Другими словами, выбор конкретной формулировки стихотворной строчки Кинботом, возможно, не соответствует тексту в том виде, в каком это было задумано Шейдом. Отдельные слова можно было бы опустить, а некоторые, которые предполагалось опустить, можно было бы включить. Дестабилизировав стихотворение этими неумелыми вариантами выбора, Кинбот манипулирует восприятием поэтического текста читателем.

«Предисловие», «Комментарии» и «Указатель имен», написанные Кинботом, преследуют одну цель: превратить поэтический текст Шейда из автобиографической поэмы в произведение, актуализующее земблянскую тематику, или, по крайней мере, мотивировать читателя к обнаружению этой тематики, формально воспринимать комментируемый текст не как

исповедальное стихотворение, а скорее как элегию или оду. Кинбот укрепляет свою позицию, предлагая метод чтения и интерпретации всей книги: он умоляет читателя не начинать с чтения стихотворения, а сначала прочитывать комментарий, затем свериться с ним во время чтения стихотворения и, возможно, после этого, в заключение еще раз взглянуть на комментарий [Там же, с. 23]. Однако такой подход заведомо (и, возможно, преднамеренно) негативно влияет на читательское восприятие стихотворения Шейда, а объяснения Кинбота становятся неосознаваемой основой для понимания поэтического текста. Кроме того, Кинбот полагает, что комментарий должен быть прочитан трижды, в то время как само стихотворение Шейда — только один раз. Таким образом, сопроводительная комментирующая часть оказывается в приоритете над стихотворением.

Кинбот рекомендует подобную исследовательскую методику, потому что он постепенно получает контроль над комментарием, который должен быть воспринят читателем в облигаторном порядке, следит за тем, чтобы в нем форма «Бледного огня» использовалась исключительно в качестве отправной точки для его субъективного зембланского повествования. Вначале он делает это, казалось бы, незаметно, то есть проводит параллели за пределами стихотворения со своей собственной жизнью, однако, эта стратегия подытоживается в следующем его умозаключении: «...я не сомневаюсь, что наш поэт понял бы искушение, испытанное его комментатором, синхронизировать с этой датой роковой факт — отбытие из Зембли будущего цареубийцы Градуса. На самом деле Градус покинул Онхаву 5 июля на копенгагенском самолете» [Там же, с. 84]. В конце концов, Кинбот выходит за рамки элементарного установления параллелей между стихотворением Шейда и повествованием о Зембле: он все чаще представляет скрупулезные детали, которые не имеют никакого отношения к строкам стихотворения, поэтому вряд ли могут быть названы «релевантными объяснениями».

Ярким примером такого подхода является примечание к строке 62, содержащее слово *часто*, что побуждает Кинбота начать текст с этого слова, а затем продолжить повествование о собственных заботах. Таким образом, он постепенно ослабляет роль «Бледного огня» в пользу своей Земблы, которая воплощена в «Указателе имен», где «Бледный огонь» не упоминается вовсе. Кинбот создал субъективное предисловие и комментарии, полностью опуская любое упоминание о стихотворении. При этом ссылки на Шейда вдвое короче тех, что посвящены Кинботу. В этом смысле в «Комментарии» можно найти мало оснований для понимания стихотворения. Если воспринимать комментарии буквально, то складывается ложное мнение о том, что сюжет поэтического текста отражает исключительно

встречи Кинбота с Шейдом, а сам текст написан под непосредственным влиянием этих встреч.

Воображаемый универсум «Бледного огня» не отличается стабильностью. Личности персонажей окутаны неясностью. Читатель не уверен, существовали ли Шейд и Кинбот одновременно на самом деле. Он не осознает, достоверно ли то, что рассказывает Кинбот, хотя его примечания к стихотворению, написанному предполагаемым Шейдом, составляют большую часть текста романа. Возможно, Кинбот придумал Шейда как персонажа, чтобы скрыть свою собственную опасную личность сбежавшего бывшего короля из Земблы, или Шейд придумал Кинбота, чтобы скрыть свою смерть; возможно, то, что рассказал нам Кинбот, истина, и Шейд действительно жил в Нью-Уае, пока его общение с комментатором не привело к случайной гибели поэта. Однако читателю не обязательно принимать решение в пользу одной реальности. Суть магического реализма В. В. Набокова заключается в неопределенности, балансировании между возможными реальностями повествования, а не в поиске окончательного решения неразрешимого спора. Читателю предлагается собрать воедино сюжетные линии, уделяя пристальное внимание мифическому неуловимому мировоззрению.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, отсутствие целостности и логичности повествования Кинбота проистекает из следующих трех фактов:

- 1) рассказчик постоянно прерывает выполнение самовольно взятой на себя задачи по комментированию академического издания поэмы Шейда, которое фактически не реализуется, остается бессвязным;
- 2) рассказчик насильно вклинивает свое «Я» в сюжет поэтического текста Шейда, используя структуру псевдоаннотаций, выстраивает воображаемые иррациональные связи между строками или словами из стихотворения Шейда и своими выдуманными воспоминаниями;
- 3) текст комментария свидетельствует о сильной психической нестабильности Кинбота, что приводит к его авторской предвзятости, неуместной для жанра академической аннотации.

Кинбот отличается от типичного, «идеального» рассказчика тем, что не выполняет искомую функцию, использует неподходящую дикцию и рассеянно комментирует разрозненные события, которые негативно влияют на текущую ситуацию. Другим фактором, диагностирующим его ненадежность, является самовольное введение собственного «Я» в текст, приписывание себе значимости, что низвергает его роль профессионального комментатора. Наконец, психическая нестабильность делает Кинбота

манипулятором и непригодным для ответственного выполнения задачи, которую он взвалил на себя. В результате раздел романа, озаглавленный «Комментарий», на самом деле не содержит комментариев, проблема достоверности языка еще вернее приводит к растворению общепринятого повествовательного формата в тексте романа «Бледный огонь».

Комментаторская деятельность Кинбота подталкивает читателя к мысли о том, что копия стихотворения Шейда, находящаяся в распоряжении читателя, не является окончательной по форме, она предстает лишь потенциальной версией, на которую повлияли внешние обстоятельства. Вполне возможно, что должна была быть опубликована другая версия стихотворения, вероятно, иной длины. Даже точно воспроизвести название стихотворения комментатору не удалось как из-за неразборчивого текста, так и из-за намеренных изменений Кинбота. Впоследствии эта произвольная компиляция названия снабжается «академическим текстом» от комментатора, чей метод работы заключается в формировании восприятия стихотворения и его формы в свою пользу. Следовательно, форме романа наносится последний удар: на фигуру рассказчика и автора комментария нельзя положиться, оригинальная сюжетная линия стихотворения не может быть доподлинно определена. Текст самого романа оказывается поразительно нестабильным как по форме, так и содержанию.

Значение образа ненадежного рассказчика как риторического инструмента для создания художественных жизнеописаний нуждается в дальнейшем изучении. Если отвлечься от внетекстовых несоответствий, которые не способствуют кодификации текста, то дальнейший анализ должен быть сосредоточен на повествовательной дистанции, то есть на возможности создания ощутимого разрыва между автором и рассказчиком, поскольку мемуары (возможно, доминирующий в современной биографии художественный жанр) — предполагают не столько воспроизведение прошлых событий, сколько процесс когнитивной проработки некогда прожитой событийности. Субъективная истина принципиально недостижима, неопределенность и двусмысленность могут быть эффективно и этично включены в художественную биографическую литературу, чтобы служить большей истине, переданной читателям через приемы недостоверного повествования.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. Набоков В. Лекции по русской литературе / В. Набоков. — Москва : Азбука, 2021. — 448 с. — ISBN 978-5-389-11253-7.
2. Набоков В. В. Бледный огонь / В. В. Набоков. — Москва : АСТ : CORPUS, 2022. — 368 с. — ISBN 9785171378349.

Литература

1. Абраменко Е. В. Категории метатекста и времени как прагматический способ смыслообразования в научно-фантастическом повествовании Курта Воннегута / Е. В. Абраменко, Т. В. Евсюкова. — Ростов-на-Дону : Индивидуальный предприниматель Беспамятнов Сергей Владимирович, 2022. — 155 с. — ISBN 978-5-6049038-1-0.
2. Баллард А. В поисках рассказчика (столкновение творческих сил в «Соглядатель» Набокова) / А. Баллард // Новый филологический вестник. — 2008. — № 1 (6). — С. 181—187.
3. Горобец А. Ф. Сравнение как средство оценочной репрезентации персонажа в художественной прозе У. С. Моэма и И. С. Тургенева : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. Ф. Горобец. — Краснодар, 2018. — 207 с.
4. Дзюбенко А. И. Художественный текст в парадигме модальности : достоверность события / А. И. Дзюбенко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2022. — № 4. — С. 69—79. — DOI: 10.29025/2079-6021-2022-4-69-79.
5. Евсюкова Т. В. Категория отрицания как средство манипулирования читательским вниманием в романе Дж. Хеллера «Поправка-22» : дискурсивный подход / Т. В. Евсюкова, С. С. Геворкян // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2022. — № 4. — С. 94—104. — DOI: 10.29025/2079-6021-2022-4-94-104.
6. Жиличева Г. А. Функции «ненадёжного» нарратора в русском романе 1920—1930-х годов / Г. А. Жиличева // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2013. — № 11 (139). — С. 32—36.
7. Иштоян К. Г. Прием концептуальной интеграции как способ организации нетипичного повествования (на материале современной английской прозы) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / К. Г. Иштоян. — Ростов-на-Дону, 2013. — 169 с.
8. Курьянова В. В. Ненадежный рассказчик (на материале романа В. В. Набокова «Лолита») / В. В. Курьянова, А. А. Савинова // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы VI Международного научного конгресса / ред. Е. В. Полховская. — Симферополь : ООО «Издательство Типография «Ариал»», 2021. — С. 131—135.
9. Мартынова Т. И. Образ рассказчика в произведениях Михаила Зощенко / Т. И. Мартынова, Е. Н. Бескровная // Поволжский вестник науки. — 2021. — № 4 (22). — С. 88—90.
10. Мурзахмедова Г. М. Феномен «ненадёжного» рассказчика в романе В. Набокова «Лолита» / Г. М. Мурзахмедова, К. Т. Касымова // Вестник Бишкекского государственного университета. — 2022. — № 1 (59). — С. 36—38. — DOI: 10.35254/bhu/2022.59.36.
11. Николина Н. Н. Типы ненадежных рассказчиков в англоязычной литературе / Н. Н. Николина // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. — 2023. — Т. 16. — № 10. — С. 3138—3143. — DOI: 10.30853/phil20230488.

12. Расулова Ф. Ф. Образ Гумберта как олицетворение приема «ненадежный рассказчик» (на материале романа В. В. Набокова «Лолита») / Ф. Ф. Расулова, С. С. Трохова // Человек. Социум. Общество. — 2024. — С 2. — С. 6—10.

13. Смоленская М. А. Проблема точки зрения в произведении с «ненадежным» нарратором (на материале повести В. Набокова «Соглядатай») / М. А. Смоленская // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2021. — Т. 23. — № 79 (1). — С. 151—154. — DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-151-154.

14. Токарева И. А. Семантико-синтаксическое представление ядерного предиката фрейма в художественном нарративе (на материале русской про-зы двадцатого века) : диссертация ... кандидата филологических наук : 5.9.8. / И. А. Токарева. — Ставрополь, 2023. — 189 с.

15. Цатурян М. М. Поливариантивность переводов художественного текста в рамках коммуникативно-прагматического подхода / М. М. Цатурян. — Краснодар : ООО «Просвещение-Юг», 2023. — 259 с. — ISBN 5-8209-0246-7.

16. Jacke J. Unreliability and narrator types. On the application area of «unreliable narration» / J. Jacke // Journal of Literary Theory. — 2018. — № 12 (1). — Pp. 3—28. — DOI: 10.1515/jlt-2018-0002.

17. Nünning V. Conceptualising (un)reliable narration and (un)trustworthiness / V. Nünning // Unreliable Narration and Trustworthiness. Intermedial and Interdisciplinary Perspectives. — Berlin / Munich / Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2005. — Pp. 1—30. — DOI: 10.1515/9783110408263.1.

18. Pettersson B. Kinds of unreliability in fiction : narratorial, focal, expository and combined / B. Pettersson // Unreliable Narration and Trustworthiness. Intermedial and Interdisciplinary Perspectives. — Berlin / Munich / Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2005. — Pp. 109—130. — DOI: 10.1515/9783110408263.109.

19. Phelan J. Reliable, unreliable, and deficient narration : a rhetorical account / J. Phelan // Narrative Culture. — 2017. — Vol. 4. — № 1. — Pp. 89—103. — DOI: 10.13110/nar-reult.4.1.0089.

20. Zipfel F. Unreliable narration and fictional truth / F. Zipfel // Journal of Literary Theory. — 2011. — № 5 (1). — Pp. 109—130. — DOI: 10.1515/JLT.2011.009.

Статья поступила в редакцию 03.10.2024,
одобрена после рецензирования 23.11.2024,
подготовлена к публикации 18.12.2024.

Material resources

Nabokov, V. (2021). *Lectures on Russian literature*. Moscow: Azbuka. 448 p. ISBN 978-5-389-11253-7. (In Russ.).

Nabokov, V. V. (2022). *Pale fire*. Moscow: AST: CORPUS. 368 p. ISBN 9785171378349. (In Russ.).

References

Abramenko, E. V., Evsyukova, T. V. (2022). *Categories of metatext and time as a pragmatic way of meaning formation in the science fiction narrative of Kurt Vonnegut*. Rostov-on-Don: Individual entrepreneur Sergey Vladimirovich Bespamyatnov. 155 p. ISBN 978-5-6049038-1-0. (In Russ.).

- Ballard, A. (2008). In search of a narrator (the clash of creative forces in Nabokov's "The Spy"). *New Philological Bulletin*, 1 (6): 181—187. (In Russ.).
- Dzyubenko, A. I. (2022). Artistic text in the paradigm of modality: the authenticity of an event. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 4: 69—79. DOI: 10.29025/2079-6021-2022-4-69-79. (In Russ.).
- Evsyukova, T. V., Gevorkyan, S. S. (2022). The category of denial as a means of manipulating the reader's attention in the novel by J. Heller's "Amendment-22": a discursive approach. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 4: 94—104. DOI: 10.29025/2079-6021-2022-4-94-104. (In Russ.).
- Gorobets, A. F. (2018). *Comparison as a means of evaluating the representation of a character in the fiction of U. S. Maugham and I. S. Turgenev*. PhD Diss. Krasnodar. 207 p. (In Russ.).
- Ishtoyan, K. G. (2013). *The method of conceptual integration as a way of organizing an atypical narrative (based on the material of modern English prose)*. PhD Diss. Rostov-on-Don. 169 p. (In Russ.).
- Jacke, J. (2018). Unreliability and narrator types. On the application area of "unreliable narration". *Journal of Literary Theory*, 12 (1): 3—28. DOI: 10.1515/jlt-2018-0002.
- Kuryanova, V. V., Savinova, A. A. (2021). The unreliable narrator (based on the material of V. V. Nabokov's novel *Lolita*). In: *Foreign philology. Social and national variability of language and literature: Materials of the VI International Scientific Congress*. Simferopol: LLC Publishing House Printing House "Arial". 131—135. (In Russ.).
- Martynova, T. I., Beskrovnaya, E. N. (2021). The image of the narrator in the works of Mikhail Zoshchenko. *Volga Region Bulletin of Science*, 4 (22): 88—90. (In Russ.).
- Murzakhmedova, G. M., Kasymova, K. T. (2022). The phenomenon of the "unreliable" narrator in V. Nabokov's novel *Lolita*. *Bulletin of Bishkek State University*, 1 (59): 36—38. DOI: 10.35254/bhu/2022.59.36. (In Russ.).
- Nikolina, N. N. (2023). Types of unreliable narrators in English-language literature. *Philological sciences. Questions of theory and practice of Philology. Theory & Practice*, 6 (10): 3138—3143. DOI: 10.30853/phil20230488. (In Russ.).
- Nünning, V. (2005). *Conceptualising (un)reliable narration and (un)trustworthiness. Unreliable Narration and Trustworthiness. Intermedial and Interdisciplinary Perspectives*. Berlin/Munich/Boston: Walter de Gruyter GmbH. 1—30. DOI: 10.1515/9783110408263.1.
- Pettersson, B. (2005). Kinds of unreliability in fiction: narratorial, focal, expository and combined. In: *Unreliable Narration and Trustworthiness. Intermedial and Interdisciplinary Perspectives*. Berlin/Munich/Boston: Walter de Gruyter GmbH. 109—130. DOI: 10.1515/9783110408263.109.
- Phelan, J. (2017). Reliable, unreliable, and deficient narration: a rhetorical account. *Narrative Culture*, 4 (1): 89—103. DOI: 10.13110/narrcult.4.1.0089.
- Rasulova, F. F., Trokhova, S. S. (2024). The image of Humbert as the personification of the "unreliable narrator" technique (based on the material of V. V. Nabokov's novel *Lolita*). *Human. The society. Society*, S 2: 6—10. (In Russ.).
- Smolenskaya, M. A. (2021). The problem of point of view in a work with an "unreliable" narrator (based on the material of V. Nabokov's novel "The Spy"). *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological sciences*, 23 / 79 (1): 151—154. DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-151-154. (In Russ.).

- Tokareva, I. A. (2023). *Semantic and syntactic representation of the nuclear predicate of the frame in an artistic narrative (based on the material of the Russian literature of the twentieth century)*. PhD Diss. Stavropol. 189 p. (In Russ.).
- Tsaturyan, M. M. (2023). *Multivariance of literary text translations within the framework of a communicative and pragmatic approach*. Krasnodar: Profeschenie-Yug LLC. 259 p. ISBN 5-8209-0246-7. (In Russ.).
- Zhilicheva, G. A. (2013). The functions of an “unreliable” narrator in a Russian novel of the 1920s—1930s. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 11 (139): 32—36. (In Russ.).
- Zipfel, F. (2011). Unreliable narration and fictional truth. *Journal of Literary Theory*, 5 (1): 109—130. DOI: 10.1515/JLT.2011.009.

*The article was submitted 03.10.2024;
approved after reviewing 23.11.2024;
accepted for publication 18.12.2024.*